

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 81'42

DOI: 10.17223/23062061/21/1

Л.Б. Крюкова, С. Корычанкова

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ОБРАЗОВ В СТИХОТВОРЕНИИ О. БРЖЕЗИНЫ «БРАТСТВО ВЕРЯЩИХ» (НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛЬНОГО И ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТОВ)

Аннотация. В статье представлен лингвостилистический анализ стихотворения «Братство верящих» в контексте поэтического и философского творчества чешского поэта-символиста О. Бржезины. В фокусе внимания – особенности языкового выражения перцептивной семантики в оригинальном тексте и его переводах на русский язык, а также анализ лингвистических трансформаций, обусловленных, индивидуально-авторским мировосприятием и поэтической традицией. Сопоставление в перцептивном аспекте двух вариантов перевода расширяет представления о концептуальной и эмоциональной составляющей рассматриваемого художественного произведения.

Ключевые слова: поэтический текст, метафора, перцептивный образ, перевод, символизм.

Отокар Бржезина – виднейший представитель чешского символизма и одна из ключевых фигур европейского модерна. Его имя современники поставили рядом с именами Э. Верхарна, У. Уитмена, Ш. Бодлера, М. Метерлинка. «Этот “возврат на землю”, к человеческим страданиям и горестям, европейца конца прошлого века, дошедшего в своем личном мировоззрении до пределов пессимистического неприятия мира, может быть объяснен в Бржезине только силой традиционной обращенности чешского национального гения к земле, к человеку и его страданиям. Как бы высоко ни было мистическое напряжение души, на какие бы высоты ни поднялась душа в религиозном своем экстазе, она все же остается

верной одной заповеди – любви к человеку и боли за его судьбу на земле» [1. С. 6].

Стефан Цвейг назвал Отокара Бржезину «поэтом для немногих»: «Его творчество укрыто во тьме. Ибо он стремится к последней истине <...> страдания и радость отдельного человека не оставляют следа на зеркале Вселенной, ведь человек в мироощущении Бржезины – всего лишь один из множества неприметных атомов. Взгляд поэта устремлен в звездные дали духа – к вечным вопросам» [2. С. 433].

Важным этапом в изучении творчества Отокара Бржезины в европейской культуре стало издание в 2012 г. в России его собрания сочинений – книги под названием «Строители храма» [3]. Кроме поэтических сборников книга включает философские эссе и письма чешского поэта-символиста, а также статьи европейских писателей и литературоведов. Составитель сборника Олег Малевич является одним из ведущих российских исследователей творчества чешского автора и переводчиком большей части его стихотворений и эссе на русский язык. В книгу вошла статья В. Каменской и О. Малевича «Отокар Бржезина и Россия» [4], которая состоит из восьми частей и отражает отношение чешского поэта и философа к русской литературе и культуре на протяжении всей его жизни. На родине Отокара Бржезины нет академического собрания его сочинений. Наиболее полным изданием художественных произведений поэта до сих пор остаются трехтомные *Básnické spisy* («Поэтические сочинения») [5], выпущенные в 1933 г. Чешской академией наук и искусств под редакцией Милослава Гиссека [3. С. 430].

Целью данной статьи является лингвостилистический анализ стихотворения *Bratrství věřících* («Братство верящих») в контексте поэтического и философского творчества Отокара Бржезины. В фокусе внимания – выявление особенностей языкового выражения перцептивной семантики в оригинальном тексте и его переводах на русский язык, а также анализ лингвистических трансформаций, обусловленных индивидуально-авторским мировосприятием, поэтической традицией и коммуникативной интенцией переводчика. Одной из задач авторов статьи, связанной с современны-

ми исследованиями в области теории текста и его филологического анализа, является сопоставление двух вариантов перевода на русский язык (переводы К. Бальмонта и О. Малевича).

Гипотеза исследования состоит в том, что изучение перцептивной картины мира, отраженной в оригинальном тексте стихотворения и его переводах, расширяет представления о концептуальной и эмоциональной составляющей поэтического произведения, позволяет «приблизиться» к пониманию его основной идеи и высказать предположение о том, кто из переводчиков в большей мере отразил мистико-философское понимание истинной веры, неразрывно связывающей поэтическое и философское творчество Отокара Бржежины.

Проблема жизни и смерти является одной из важнейших в поэтическом творчестве чешского символиста и проходит через все его произведения. Уже в первом собрании стихотворений *Tajemné dálky*, 1895 («Таинственные дали») автор говорит об отчужденности от земного мира. «Контакт» с запредельным миром слышен, например, в стихотворении *Moje matka* («Моя мать»): поэт, прощаясь со своей умершей матерью, видит смерть как завершение земных страданий и переход в новый таинственный мир света и спокойствия. Как символист Отокар Бржежина облачает описываемые образы в сияние света и красок, в обертоны звуковых волн и тактильных ощущений, создавая многослойное перцептивное представление о нездешнем, мистическом мире и его связи с миром земным: *В глазах моих твоя печаль без меры, / твое тепло мне тело согревает. / Огонь мистической и беззаветной веры / горит в моей душе и в жилах полыхает* [3. С. 40].

В своем следующем собрании стихотворений *Svítání na západě*, 1896 («Рассвет на западе») поэт противопоставляет «здесьнее» и «запредельное». Запад – это символ смерти, а сама смерть открывает дорогу свету, познанию запредельного. Только через смерть можно познать таинство истинной жизни (например, стихотворение *Tys nešla* («Ты не шла»): *В той ночи миров камнепады и гармония песнопений, / миллионы жгучих лобзаний и бесчисленных рук скрещенье. / Это наши губы и руки – в неге бу-*

дущих поколений, / что родятся под знаком молний, в ослепительном их свеченье [3. С. 85].

Идея жизни и смерти в их взаимопроникновении и взаимообусловленности отражена в эссе *Rozhodující okamžiky* («Решающие мгновения») в сборнике *Hudba pramenů, 1903* («Музыка родников»): «Страх, который в этот миг сжимает наше сердце, – не страх тела, всегда окрашенный более или менее осознанными воспоминаниями о боли, доставляемой нам дыханием, ведущим из разверстой могилы. Это не страх смерти, а страх жизни, возлагающей на нас мистическую ответственность. Страх, сулящий нам более страшные утраты, чем утрата дневного света» [Там же. С. 280].

Стихотворение *Bratrství věřících* («Братство верящих») вошло в сборник *Větry od pólů, 1897* («Ветры с полюсов»), который по праву считается вершиной чешского символизма, именно в нем мистико-философские воззрения поэта отражены наиболее ярко. Истинный смысл жизни реализуется в соединении душ братьев, т.е. спутников, проповедников истинной мистической веры, которая приведет человечество в нездешнее пространство. Смерть же является переходом в этот мистический, с трудом познаваемый в земных мерностях мир. Пробужденный человек идет по пути к Богу, Всевышнему, осознавая свое место в божественном творении. Такой человек бросает свои земные привязанности, освобождается от них и вместе с остальными Собратьями творит великое дело. Единство верящих, соединенных общей идеей Любви и совместной Молитвой к Богу, жаждет соединения с Богом и приближения к таинству творения.

В собрание стихотворений *Větry od pólů* поэт изображает запредельные миры с помощью сложной метафоры, целыми цепями абстрактных образов с акцентированной перцептивной семантикой и возможными сенсорными ассоциациями. Многоаспектность восприятия является отличительной чертой творчества чешского символиста [6]. Сам О. Бржезина в одном из своих писем к Франтишку Бауэру пишет: «Повторяю, я спокоен и чист. Потому что вижу минувшие годы, как сквозь стеклянную призму. Я грустен. Потому что я поэт и во флаконе моих слов заключен аромат жизни.

<...> Я ничего не жду от жизни, потому что моя жизнь мне не принадлежит. Она принадлежит искусству, чьим несовершенным медиумом я являюсь. Бессмысленно навязывать мне рецепт, рекомендуемый стать поэтом действия. Я поэт света, звуков и таинственной жизни, которая дышит на нас из предметов внешнего мира. Поэт теней и смерти» [З. С. 407].

В контексте предлагаемого исследования необходимо отметить, что О. Бржезина был хорошо знаком с русской культурой и литературой, в его библиотеке на языке оригинала были представлены произведения А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, И.А. Тургенева, А.А. Блока, К.Д. Бальмонта и др. Отношение же чешского поэта к прижизненным переводам собственных стихотворений было достаточно критичным. Например, о переводах С.Я. Савинова он говорил Эмилии Лакомой: «Некоторые мои стихи были переведены на русский язык. Но перевод мне не нравится. Переводчик совсем не понял стихи. <...> Русская речь подходит скорее для прозы, скорее для разговоров, чем для поэзии. Да и плохо понимают написанное мною» [Там же. С. 485].

Перевод стихотворения *Bratrství věřících*, сделанный Константином Бальмонтом, автор также посчитал недостаточно верным и в своих замечаниях подчеркнул значимость именно перцептивной оставляющей: «Нельзя ограничиваться словарем, ибо речь изменяется, волнуется, как море, растет – словари устаревают. Есть поэты зрения и поэты слуха; Бальмонт предстает в этом переводе поэтом слуха, но для моих стихов этого недостаточно. Речь – это не только понятия, но и краски и летучие ароматы, мгновенная стыдливость, румянец, всего этого не найдешь в словарях» [Там же. С. 486].

Как уже было отмечено, одной из задач авторов предлагаемой статьи является сопоставительный анализ оригинального текста стихотворения и двух его переводов на русский язык, выполненных К. Бальмонтом и О. Малевичем. Переводы имеют различия уже на уровне названия: у К. Бальмонта – «Братство *верящих*», у О. Малевича – «Братство *верующих*». В русском языке данные лексемы имеют семантические различия: *верующий* – причастие от глагола *веровать*, также может быть в значении существительного *верую-*

щий – «тот, кто признает существование бога; религиозный человек» [7. Т. 1. С. 153]; *верящий* является причастием от глагола *верить* и имеет несколько значений: первое и основное – «иметь твердую уверенность, быть убежденным в чем-л. (в неизбежности, правильности, успехе и т.п. чего-л.)», другое совпадает с отмеченным выше значением «быть религиозным; веровать» [Там же. Т. 1. С. 150–151].

Подобного различия в чешском языке нет. О. Бржезина, следуя своей философской мысли, воспринимает слово *věřících* в значении «братство просвещенных», тех, которые приближаются к Правде, к истинной вере в высший смысл существования. Хотя поэт считал себя католиком, однако его понимание веры можно скорее отнести к мистическому христианству, к скрытому течению религиозности. Как отмечает Ф. Шальда, Бог представляется в понимании О. Бржезины медиумом мистической любви к собратьям, к тем, вместе с кем он преобразует здешний мир в идеальное духовное пространство [8. S. 52]. Таким образом, лексема *věřící* используется поэтом в авторском значении, реализуя мистико-философскую идею истинной веры в Абсолют.

В первой строфе наблюдается соответствие основных перцептивных образов, отражающих ведущую идею стихотворения. В оригинале и двух вариантах перевода преобладает зрительная и тактильная семантика, при этом отдельные, на первый взгляд, незначительные изменения свидетельствуют о возможных вариантах интерпретации.

О. Březina <i>Bratrství věřících</i>	К. Бальмонт «Братство верящих»	О. Малевич «Братство верующих»
<p>1. <i>Myšlenky naše koupaly se v ohnivých vlnách svatého leta, jež rozpaluje blankyty duši žárem všech srpnů a zráním všech hvězd.</i> Мысли наши купались в огненных волнах святого лета, которое зажигает синеву душ жаром всех августов и созревани- ем всех звезд.</p>	<p>Мысли наши купались в волнах разожжен- ных священного лета, Синие царства души оно зажигает пылани- ем жатвенных меся- цев, Отсвет в себя прини- мает созревания всех звезд,</p>	<p>Мысленно мы купались в огненных волнах святого лета, что распалает лазурь наших душ жаром всех августов и всех звезд.</p>

<p><i>A když smyly svá bolestná znamení země, povstaly v čistotě prvotních světél a poznaly silné rozkoše času: А когда смыли свои скорбные знамена земли, воздвиглись в чистоте первичных светил, и познали сильные роскоши време- ни:</i></p> <p><i>dech jeho byl sladký naději mrtvých a tajemnou vichřicí vřelo v něm rašení pupenců všech budoucích zahrad. Дыхание его было сладким надеждой мертвых, и таинственным вихрем кипело в нем распускание почек всех бу- дущих садов</i></p> <p>[9. S. 102].</p>	<p><i>Когда же смыли с себя все прискорбные зна- мения праха, Встали они в чистоте первобытных светил И силу познали рос- кошного часа, –</i></p> <p><i>дыханье его Было нежнейшей надеждой мертвых, – и в бурях таинствен- ных Было кипение почек еще не раскрытых Всех зеленых грядущих садов</i></p> <p>[3. С. 443].</p>	<p><i>Смыв с себя горе и боль – отпечатки земли, мы обрели чи- стоту Первоначального све- та и времени сладкое бремя познали,</i></p> <p><i>В чьем дыханье – надежде мертвых – тайная буря, сокрытая в почках все еще нераскрытых садов</i></p> <p>[3. С. 127].</p>
---	---	---

В переводе К. Бальмонта значимой в перцептивном аспекте может быть «замена»: *ohnivých vlnách svatého léta* / волнах разожженных священного лета. В оригинальном тексте словосочетание *огненные волны* свидетельствует о зрительном и тактильном восприятии (оранжевый цвет и жар от огня), в переводе данное прилагательное заменяется причастием *разожженный*, в значении которого актуализирована сема тактильности, осложненная семантикой начала и интенсивности действия (приставка *раз-*), которая в следующей строке усиливается словосочетанием *зажигает пыланием*.

В переводе О. Малевича чешский глагол *rozpaluje* (имеющий нейтральное значение *разжигать*) приобретает стилистическую окраску (так как *распалить* в русском языке помимо основного значения «разжечь» имеет варианты «охватить сильным жаром», «привести в состояние сильного возбуждения» [7. Т. 3. С. 649]). В переводе *blankyta (синева)* имеет соответствие *лазурь*, что для русского читателя соотносится с поэтической традицией Серебря-

ного века (в частности у символистов – *лазурь безбрежная, бездонная, безмятежная, безоблачная, небесная и др.*). Стоит отметить, что в поэтических текстах О. Бржезины лексема *azur* (*azurný, azurový*) встречается, но в данном стихотворении по каким-то причинам не используется.

В переводе К. Бальмонта *bvřelo v něm rašení pupenců / кипение почек еще не раскрытых* замена глагола отглагольным существительным не принципиальна, но характеристика почек на деревьях представлена иначе: в оригинале внимание акцентируется на процессе созревания («распускания»), а в переводе К. Бальмонта, наоборот, *еще не раскрытых*. Зрительное восприятие актуализировано за счет прилагательного *зеленый*, отсутствующего в оригинальном тексте [6. С. 193].

В лаконичном переводе О. Малевича представлена передача образа, в котором не перцептивная, а эмоциональная составляющая имеет принципиальное значение: *тайная буря, сокрытая в почках все еще нераскрытых садов*. Переводчик использует стилистический прием эналлаги (троп, в котором определение перенесено с одного существительного на другое: *нераскрытые почки – нераскрытые сады*), при этом семантическая связь с оригиналом очевидна: *budoucích zahrad* (*будущих садов*) – *нераскрытых садов*.

Во второй строфе стихотворения Отокара Бржезины представлена идея «пробуждения», репрезентированная в семантическом пространстве текста посредством языковых средств с перцептивной семантикой, прежде всего метафорических.

<i>O. Březina</i> <i>Bratrství věřících</i>	<i>К. Бальмонт</i> <i>«Братство верящих»</i>	<i>О. Малевич</i> <i>«Братство верующих»</i>
<i>2. Dni, které neměly jiter, z dálky nám hodily světla jak echa staleté touhy;</i> <i>Дни, у которых не было утр, издалека нам бросили светила как эха столетней тоски;</i>	<i>Дни, что утр не имели, бросали нам издали светы,</i> <i>Как отзвук, как эхо столетних томлений,</i>	<i>Дни, лишённые утра, свет нам дарили, как эхо тоски столетней;</i>
<i>šílili jsme šilenstvím lásky, jež byla modlitbou k Nejvyššímu.</i>	<i>Безумились мы безумьем любви, что</i>	<i>в нас бушевало безумье любви – этой</i>

мы безумствовали безумством любви, которая была молитвой к Всевышнему.	молитвой была к наивысшему,	молитвы к Всевышнему.
<i>Ze rtů našich sladkost její se tryskla a přece hořely posvátnou žízni.</i> Из губ наших сладость ее брызгала, но все равно горели священной жаждой.	<i>Из уст наших сладкий струился тот сок. А сами сгорали святою мы жаждой,</i>	<i>Сладость ее из наших уст низвергалась, но мы изнывали от жажды Священной.</i>
Zraky naše ji pily z bratrských zraků a pohledům bratří ji dávaly pítí Зрочки наши пили ее из братских зрачков и взглядам братьев ее давали пить	<i>Зрочки наши пили ее из братских зрачков И братским взглядам давали испить той любви,</i>	<i>Влагу ее наши взоры пили из братских взоров, взоров братьев других пить ее позволяли,</i>
<i>a v rozechvění neznámé blízkosti krví nám zvonila hudbami tajemství.</i> и в трепете незнакомой близости крови нам звенела любовь музыкой таинства	<i>И в неведомой, полной волнений, близости крови Нам звонила она музыкой таинств</i>	<i>и кровью мы ощущали близость неведомой тайны прекрасных гармоний</i>

Сравнительный анализ оригинального и переводных текстов показывает совпадение на эмоциональном и содержательном уровне. Центральное место в строфе занимает сложная перцептивная метафора, характеризующая «безумство всепоглащающей любви»: *Zraky naše ji pily z bratrských zraků a pohledům bratří ji dávaly pítí* (Зрочки наши пили ее из братских зрачков и взглядам братьев ее давали пить). Чешское существительное *zrak* может быть переведено на русский язык как «зрение», «зрачок», «глаз», «взгляд», в связи с чем можно говорить практически о дословном переводе данной метафоры и К. Бальмонтом, и О. Малевичем (изменен лишь порядок слов). Сочетание глагола физического восприятия *пить* / *глотать* со словами *ухо*, *глаза*, *взгляд*, *взор* характерно для русской поэзии Серебряного века (*И взглянул, как в первые раза / Не глядят. / Черные глаза глотнули взгляд* [10. С. 86]). В чешской

поэзии данная метафора также является распространенной (*A proto rád u tvojich nohou sedám, / bych z očí tvých moh / vznět a sílu pítí... / И поэтому у ног твоих люблю сидеть, / чтобы я мог из твоих глаз / тревогу и силу пить...*[11. S. 52]). Ее значимость подчеркивается за счет повтора, что формирует не только эмоциональную тональность стихотворения, но и актуализирует идею единения братьев по вере.

К. Бальмонт сохраняет в переводе оригинальное словосочетание, построенное на повторении основ и передающее эмоциональную тональность строфы: *šílili jsme šílenstvím lásky* (мы безумствовали безумством любви) / безумились мы безумьем любви. С одной стороны, это свидетельствует о возможности точной передачи образа в русском переводе, с другой – о «вписанности» переводного стихотворения в контекст творчества русского поэта-символиста [6. С. 187–189].

В оригинальном тексте и в переводе К. Бальмонта наблюдается «взаимопроникновение» зрительных и слуховых образов *světla jak echa / светы как отзвук*. Принципиальным видится сохранение в переводе описания восприятия любви, репрезентирующего философские взгляды чешского поэта: *zvonila hudbami tajemství* / звонила музыкой таинств. В переводе О. Малевича идея неведомой тайны сохраняется, но ее звуковая характеристика, важная для оригинального текста, исчезает (нет глагола *звенеть* и существительного *музыка*).

В третьей строфе представлено несколько перцептивных (в том числе синестетических) метафор, характерных для поэтического творчества О. Бржежины.

О. Březina <i>Bratrství věřících</i>	К. Бальмонт <i>«Братство верящих»</i>	О. Малевич <i>«Братство верующих»</i>
3. <i>Sny naše se spojily v jediné snění a šuměly tisíci stromů jednoho hvězdu,</i> Сны наши соединились в одну мечту и шумели тысячами дере- вьев одной рощи,	Сны наши слитно спая- лись в одно сновиденье, И шумели деревья еди- ного леса, дрожащем ветвей отдавая	Наши мечты вопло- тились в единую гре- зу и шумели листовую, подобно деревьям единого дремучего леса,

<p><i>když třesením větví podávají si poselství jednoho větru z neznámých moří.</i> когда трясением ветвей подают друг другу послание одного ветра из незнакомых морей.</p>	<p>Посольства единого ветра от неземных дальних морей.</p>	<p>чи ветви колеблемы ветром – посланцем никому неизвестных морей.</p>
<p><i>Na našich loukách ležela vůně všech květů, sladěná v jeden složitý akord.</i> На наших лугах лежало благоухание всех цветов, слаженных в один сложный аккорд,</p>	<p>На наших лугах – всех цветов благовонья лежали, Ладом в единый сливавшись созвук.</p>	<p>По лугам нашим растекался запах цветов разноликих, звучащий единым аккордом,</p>
<p><i>a světla našich duší, nalitá v jediný plápol, oděla barvami neviditelné</i> и свет наших душ, слитый в единое пылание, одел цветом невидимое</p>	<p>Душ наших светы, в пылание слившись единое, Красками рдели невиданными,</p>	<p>И огни наших душ в пламя невидимых радуг слились,</p>
<p><i>a hlasem všech našich spojených vůlí nám v zázračné zahradě rozkvetly síly.</i> и голосом всех наших соединенных волей в чудотворном саду расцвели силы</p>	<p>А голос всех наших спянных волей Расцветил нам в волшебных садах небывалые силы</p>	<p>А голоса наших волей в цветенье волшебных садов превратились</p>

Синестетическая метафора (запах – звук) переведена К. Бальмонтом очень близко к оригинальному тексту: *ležela vůně všech květů, sladěná v jeden složitý akord*, / *всех цветов благовонья лежали, ладом в единый сливавшись созвук*. В оригинальном тексте аккорд характеризуется как *сложный (složitý)*, что соответствует философско-поэтической концепции О. Бржежины. В переводе прилагательное отсутствует, но появляется деепричастие *сливавшись*, повторяющееся далее в варианте *слившись*.

В переводе О. Малевича подчеркивается «процессуальность» (*запах растекался*) и синестетическая природа явления (*запах звучащий*). Сохраняется лексема *akord (аккорд)*, имеющая в русском

и чешском языках одно и то же значение («сочетание нескольких музыкальных звуков различной высоты, воспринимаемое как звуковое единство» [7. Т. 1. С. 29]). Таким образом, актуализация и усиление на языковом уровне идеи «единения» сохраняется в двух вариантах перевода: *в единый слившись созвук / звучащий единым аккордом*.

Необходимо отметить, что несовпадение используемых автором и переводчиками синтаксических конструкций чаще всего имеет не художественную, а грамматическую основу (связанную с соответствующими различиями в русском и чешском языках), но в заключительном высказывании третьей строфы изменение позиции субъекта приводит к двум разным (в том числе и по смыслу) вариантам перевода.

В оригинальном тексте грамматическими субъектами являются *světla* (*свет*) и *síly* (*силы*). В двух русских переводах грамматическим субъектом становится *голос* (звуковая перцепция), но степень его активности разная. У К. Бальмонта предикат представлен глаголом активного действия *расцветить*, который реализует значения «придать цветную окраску», «оживить, приукрасить» [7. Т. 3. С. 680]. В переводе О. Малевича предикат выражен глаголом с семантикой изменения состояния *превратиться* («обратиться во что-л. иное, перейти в другое состояние, принять совершенно иной вид» [Там же. С. 360]), который реализует свой художественный потенциал в контексте: *голоса воль превратились в цветенье садов*. Можно предположить, что перевод К. Бальмонта, несмотря на изменение функциональной нагрузки основных компонентов высказывания, стилистически близок к оригиналу: *a hlasem... rozkvetly síly* (*голосом... расцвели силы*) / *голос... расцветил силы*.

В четвертой строфе посредством языковых средств с перцептивной семантикой (зрительное и тактильное восприятие) реализуется идея «единения», представленная в двух вариантах перевода.

<p><i>О. Březina</i> <i>Bratrství věřících</i></p>	<p><i>К. Бальмонт</i> <i>«Братство верящих»</i></p>	<p><i>О. Малевич</i> <i>«Братство верующих»</i></p>
<p><i>4. I trhali jsme svá opojení, jak zrna na jediném, mystickém hrozni,</i> <i>И собирали мы свои опьянения, как зерна на единой, мистической грозди,</i></p> <p><i>jež dotknutím pukala výtryskem jednoho vína:</i> <i>которая прикосновением лопнула брызгом единого вина:</i></p> <p><i>jablka jednoho stromu, jež rozříznuta společnou, naší, krví se zardí,</i> <i>яблоки единого дерева, которые разрезаны единой нашей кровью покраснеют,</i></p> <p><i>polibky jediné noci, v nichž duše zpívají o smrti a budoucích žitích,</i> <i>поцелуи единственной ночи, в которых души поют о смерти и будущих жизнях,</i></p> <p><i>v jediném rozplání retů, na věky netopných rozkoší jednoho blesku.</i> <i>в едином пылании губ, на веки роскошным недугом больных роскошью одного блеска</i></p>	<p><i>Мы срываем свое упоение, как гроздь единой священной лозы,</i></p> <p><i>Из наших касаний выбрызгивал сок, Золотилось единое наше вино,</i></p> <p><i>Яблоки в чаше единственной яблони</i> <i>Общею нашей багрянелись кровью,</i></p> <p><i>Поцелуи единственной ночи, в них души о смерти поют,</i> <i>И о будущих жизнях,</i></p> <p><i>В едином пылании губ, на века воспаленных</i> <i>Роскошным недугом единого блеска</i></p>	<p><i>И пьянеющие зерна мы срывали с виноградных мистических гроздьев,</i></p> <p><i>От любого касанья готовых взорваться единым гейзером винным,</i></p> <p><i>И плоды одной яблони, стоило их разрезать, обагрялись общею кровью,</i></p> <p><i>И в одном поцелуе наши души сливались ночами и пели о смерти, о будущей жизни,</i></p> <p><i>и наши губы наслаждались болью как вспышкой молний</i></p>

В оригинальном тексте наблюдается многократный повтор прилагательного с семантикой «единый» / «единственный»: *jediném hrozni, jednoho vína, jablka jednoho stromu, polibky jediné noci; v jediném rozplání retů, jednoho blesku*. К. Бальмонт не пропускает ни одного повтора и практически дословно переводит все словосочетания. В переводе О. Малевича можно увидеть три пропуска, но образ представлен целостно: *в одном поцелуе наши души*

сливались. Усилению идеи «единения» на языковом уровне способствует использование предиката *сливались* (*слиться* – «соединиться в один поток», «соединиться с кем-либо, чем-либо» [7. Т. 4. С. 138]).

Образ мистической (виноградной) грозди, имеющий тактильное основание, в переводах представлен по-разному: (реальность / потенциальность действия): *dotknutím pukala* (*прикосновеньем лопнула*) / *из касаний выбрызгивал сок* / *от любого касанья готовых взорваться*. Образ яблони (яблока), имеющий в основе зрительную семантику, в переводах и К. Бальмонта, и О. Малевича репрезентирован в рамках русской поэтической традиции (обагриться – «окраситься в багряный, кроваво-красный цвет [Там же. Т. 2. С. 518]): *krví se zardí* (*кровью покраснеют*) / *багрянились кровью* / *обагрились кровью*.

В переводе К. Бальмонта сохраняется перцептивная метафора *пылание губ*, усиленная художественным определением *воспаленных роскошным недугом*, включающим оксюморон. В переводе О. Малевича образность создается иными лексическими средствами: оксюморон *наслаждались болью* усиливается сравнительным оборотом с визуальной семантикой *как вспышкой молний*.

Идея «единения» проходит через все стихотворение и ее усиление в последней строфе вновь отсылает читателя к названию стихотворения: *bratrství* (*братство* – «содружество, единение» [7. Т. 1. С. 112–113]). Как уже было отмечено, «единение» является одним из ключевых положений мистико-философской концепции Отокара Бржежины. В эссе *Jediné dílo* («Единое творение»), которое открывает сборник *Skryté dějiny, 1903–1908 časopisecky, 1970 vydání knižně* («Сокрытая история»), чешский поэт-символист пишет: «Человек творит лишь в состоянии милости, в клочущем буйстве рождающейся веры. Но кто опишет словами богатство этой веры? Слова лопаются подобно коре кипящего жизнью дерева, отламываются и опадают, а новые возникают под ними – по правилам одного закона, под лучами одного солнца [3. С. 315].

Таким образом, проведенный лингвостилистический анализ подтверждает мысль о неразрывной связи поэтического творчества

Отокара Бржезины с его философскими воззрениями. Стихотворение *Bratrství věřících* является поэтической репрезентацией ключевых философских идей чешского поэта-символиста. Исследование языковых средств выражения перцептивной семантики расширяет представления о концептуальной и эмоциональной составляющей рассматриваемого художественного произведения.

Сопоставление оригинального и переводных текстов позволяет сделать вывод о том, что на семантическом уровне в переводах наблюдаются «усиление» / «ослабление» перцептивной составляющей и изменение «ведущего» модуса восприятия в каждой отдельно взятой строфе. На стилистическом уровне имеет место сохранение в процессе поэтического перевода ряда перцептивных метафор и синестетических сочетаний, формирующих эмоциональную тональность стихотворения. Практически дословный перевод имеющихся в оригинальном тексте повторов (например, с общей семантикой «единый») свидетельствует о стремлении переводчиков сохранить отраженное в оригинале понимание жизни и смерти чешским поэтом.

Можно предположить, что К. Бальмонт в большей мере «внедряет» в перевод мистико-философскую идею истинной веры в высшее послание человеческой жизни. Его вариант перевода (который может быть рассмотрен и в контексте творчества самого русского поэта-символиста) основан на метафорическом представлении (отражении) реальности с использованием перцептивных образов, ассоциирующихся со скрытым мистическим содержанием. Перевод О. Малевича в ряде строф приближается к дословному воспроизведению стихотворения О. Бржезины, но, возможно, в нем не всегда просматривается скрытое метафорическое изображение реальности, переданной чешским поэтом в символических перцептивных образах.

Наиболее показательной в этом отношении является строка: *jež rozpáluje blankyty duši žářem všech srpů* / *царства души оно зажигает пыланием жатвенных месяцев, / распяляет лазурь наших душ жаром всех августов*. В переводе О. Малевича лексема *srpů* имеет дословный перевод как название летнего месяца (*август*) в

ассоциативной связи со значением тепла и света, при этом очевидная внутренняя связь с уборкой плодов как символа духовной жатвы, выраженная в чешском слове *srpen* (*srp* – *сепн*), не репрезентирована. Словосочетание, представленное с переводе К. Бальмонта, сохраняет связь с мотивирующей основой в чешском языке и актуализирует взаимосвязь поэтического творчества и философских трудов О. Бржезины (см. эссе *Nebezpečí sklizně* («Опасности жатвы»), вошедшее в сборник *Hudba pramenů, 1903* («Музыка родников»)).

Литература

1. Бем А. Отокар Бржезина (Выразитель гения чешского народа) // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 5–34.
2. Цвейг С. Отокар Бржезина // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 43–438.
3. Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. 504 с.
4. Каменская В., Малевич О. Отокар Бржезина и Россия // Бржезина О. Строители храма: Собрание сочинений / сост. О.М. Малевич. СПб. : Изд-во им. Н.И. Новикова, 2012. С. 449–489.
5. Březina O. Básnické spisy. Praha : Melantrich, 1933. 273 s.
6. Корячанкова С., Крюкова Л., Жизниченко А. Поэтическая картина мира, сквозь призму категории перцептивности. Врно, 2016. 236 с.
7. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.
8. Šalda F.X. Otokar Březina. Kritické projevy 1908–1909. Soubor díla F.X. Šaldy, sv. 16. Praha, 1953. S. 52.
9. Březina O. Básnické spisy. Praha: Československý spisovatel, 1975. 252 s.
10. Цветаева М. Стихотворения. Поэмы. М. : Правда, 1991. 688 с.
11. Vrchlický J. Sonety samotáře. Praha, 1959. 487 s.

The Poetic Realization of Perceptual Images in the Poem “The Brotherhood of Believers” by O. Březina (A Case Study of the Original and Translated Texts)

Tekst. Kníga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing, 2019, 21, pp. 5–22

DOI: 10.17223/23062061/21/1

Larisa B. Kryukova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lar-kryukova@yandex.ru

Simona Korycankova, Masaryk University (Brno, Czech Republic). E-mail: korycankova@ped.muni.cz

Keywords: poetic text, metaphor, perceptual image, translation, Symbolism.

The article is devoted to the linguistic and stylistic analysis of the poem “The Brotherhood of Believers” in the context of the poetic and philosophical works of the Czech Symbolist poet Otokar Březina. It focuses on how the key perceptual images are conveyed through the linguistic means of expression in the original text and its Russian translations and deals with the linguistic transformations that are caused by the author’s individual worldview and poetic tradition. One of the tasks associated with the modern research in the field of text theory and its philological analysis is to compare the original text with the two versions of its Russian translations done by K. Balmont and O. Malevich. The first part of the article describes the connection between Březina’s poetic works and his philosophical views, such as his understanding of the true faith, the interdependence between life and death and the contraposition of what is here and beyond. Based on the material of the poems and essays included into different book collections, it is shown that, in Březina’s opinion, the true meaning of life is realized through the consolidation of the souls of brothers, i.e. companions or preachers of the true mystical faith that should lead the humanity to what lies beyond. The poet portrays the supernatural worlds with the help of complex metaphors, chains of abstract images with accented perceptual semantics and possible sensory associations. The comparative analysis, that is presented in the second (main) part of the article, has revealed that, at the semantic level, the Russian translations demonstrate either a “strengthening” or “weakening” of the perceptual component and a change of the “key” perceptual mode in each stanza. At the stylistic level, the poetic translations retain certain perceptual metaphors and synesthetic combinations that form the emotional tone of the poem. The translators tend to preserve the original understanding of life and death, which results in almost literal translations of the repetitions with the semantics of “unity”. Balmont’s translation is based on the metaphorical reflection of reality and contains perceptual images associated with the hidden mystical meaning of the original text. Malevich’s translation almost literally reproduces Březina’s poem in a number of stanzas, while the hidden metaphorical representation of reality, which was expressed by the Czech poet through the key perceptual images, is not always explicit. The results of the analysis indicate that studying the perceptual picture of the world, presented in the original text of the poem and in its translations, improves the knowledge of the conceptual and emotional component of “The Brotherhood of Believers”. The poem presents a mystical and philosophical understanding of the true faith that unites the poetic and philosophical works of Březina.

References

1. Boehm, A. (2012) Otokar Březina (Vyzritel’ geniya cheshskogo naroda) [Otokar Březina: The champion of the Czech people genius]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov. pp. 5–34.

2. Zweig, S. (2012) Otokar Březina [Otokar Březina]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov. pp. 43–438.
3. Březina, O. (2012) *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov.
4. Kamenskaya, V. & Malevich, O. (2012) Otokar Březina i Rossiya [Otokar Březina and Russia]. In: Březina, O. *Stroiteli khrama: Sobranie sochineniy* [The Builders of the Temple: Collected Works]. Translated from Czech by O. Malevich et al. St. Petersburg: N.I. Novikov. pp. 449–489.
5. Březina, O. (1933) *Básnické spisy*. Prague: Melantrich.
6. Korychankova, S., Kryukova, L. & Khiznichenko, A. (2016) *Poeticheskaya kartina mira, skvoz' prizmu kategorii pertseptivnosti* [Poetic picture of the world, through the prism of perceptivity]. Brno: Muni Press: Masarykova univ.
7. Evgenieva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.
8. Šalda, F.X. (1953) *Otokar Březina. Kritické projevy 1908–1909*. Prague: [s.n.]. pp. 52.
9. Březina, O. (1975) *Básnické spisy*. Prague: Československý spisovatel.
10. Tsvetaeva, M. (1991) *Stikhotvoreniya. Poemy* [Poems]. Moscow: Pravda.
11. Vrchlický, J. (1959) *Sonety samotáře*. Prague: Básnické dílo Jaroslava Vrchlického.